

УВАЖАЕМЫЙ СУД!

Пришла пора подвести итог судебному разбирательству по уголовному делу, которое я, к сожалению, не могу назвать ни объективным, ни беспристрастным, ни справедливым. Все происходившее в рамках настоящего уголовного дела, нельзя оценивать иначе, чем провокацию, призванную оправдать само существование секретной службы её спланировавшей, и придавшей ей видимость борьбы с преступностью.

Я убежден, что в действиях подсудимого отсутствует элемент обмана, что не позволяет квалифицировать их как мошенничество. Ж. с самого начала общения с Г. прекрасно знал, что он действует самостоятельно, и оказывает ему вполне легальные консалтинговые услуги. В обвинительном заключении отсутствуют упоминания о взаимодействии подсудимого с другими, даже «не установленными» лицами.

Однако давайте обратимся к фактам, которые состоят в следующем: Успешный бизнесмен, безосновательно называемый потерпевшим, имея солидный опыт приобретения муниципального имущества, и целый штат сотрудников, в т.ч. юристов, вопреки здравому смыслу, лично и неоднократно приходит в КУМИ, разговаривает со всеми сотрудниками и посетителями, делится планами, задает вопросы, пишет письма, оставляет свои номера телефонов, т.е. просто «отирается» в учреждении, а на самом деле работает «живцом», приманкой, выискивая жертву.

И жертва нашлась, на эту роль, за неимением лучшего, был утвержден нынешний подсудимый Г., который просто оказался в ненужное время, в ненужном месте. Ищущий работу Г., и общительный бизнесмен Ж., просто не могли не встретиться, и они встретились, и начали общаться.

Ж. с ходу продиктовал номер своего телефона и явно дал понять, что заинтересован в любой «помощи» в приобретении муниципального имущества, и будет очень «благодарен» любому помощнику, причем слово «помощь», как впрочем и «благодарность», нужно взять в кавычки, т.к. вся процедура продажи муниципального имущества достаточно ясна и прозрачна, и у Ж. уже был солидный опыт участия в торгах.

Видя перед собой столь заинтересованного и благодарного слушателя, который с первой встречи, сам предлагал вознаграждение за содействие, Г. решил, что это его шанс заработать, именно заработать, а не украсть, не присвоить, и не отобрать.

Наведя справки о продаваемых объектах муниципального имущества, причем из совершенно открытых источников, Г. позвонил Ж., предложил встретиться, и обсудить возможности сотрудничества.

Ж. сразу же согласился, и назначил встречу, а сам немедленно (а может быть и загодя) побежал в ФСБ писать заявление о предполагаемом вымогательстве, хотя к тому времени разговора о деньгах даже еще не было, а заодно получать микрофон, диктофон, или что-то еще из разряда шпионской техники, чтобы записывать разговоры с Г.

Вполне возможно, что на самом деле все было не совсем так, или совсем не так. Я вполне допускаю, что Ж. всегда носит с собой специальную аппаратуру, и ему не было нужды даже приходить в ФСБ, т.к. он вполне мог уже давно негласно сотрудничать с ФСБ на постоянной основе. Ни подтвердить, ни опровергнуть это предположение невозможно, т.к. все покрыто завесой государственной тайны.

Тем не менее, эта версия не лучше и не хуже любой другой, но она лучше всего объясняет очень странное поведение псевдопотерпевшего.

Как иначе можно понять поведение человека, который сам дал свой телефон Г., сам назначил встречу, никаких угроз или требований от него не получил, но первым делом побежал писать заявление и обвешиваться микрофонами, для того, чтобы, цитирую: «Чтобы исключить обман и не понести материальный ущерб» (протокол с/з от 11.01.2010 г.).

Странная логика – еще ничего не зная об условиях сотрудничества с Г., Ж. был абсолютно уверен в том, что его собираются обмануть и причинить материальный ущерб.

Все дальнейшее поведение Ж., еще более странно и нелогично, т.к. используемые им средства, абсолютно не согласуются с целями, которые он якобы желает достигнуть:

Чтобы не дать себя обмануть, Ж., после снятия с торгов помещения по ул. В-кой, вместо того, чтобы просто прекратить общение с Г., самолично передал ему целый список других объектов, которые Ж. якобы желает приобрести, и предлагает заплатить заранее, т.е. просто из кожи вон старается всучить деньги Г.. Очень странный способ не дать себя обмануть, и не понести материальный ущерб!

Однако, полгода как безработный Г., все же от денег отказывается, и наживку не заглатывает, чем видимо сильно огорчает и самого Ж., и его кураторов, а вместо этого тоже из кожи вон лезет: пытается рассказывать Ж. об общих тенденциях на рынке недвижимости, учит тонкостям участия в аукционах, показывает ворох газет, распечатки с официального сайта КУМИ, выдает свои аналитические заключения и дает вполне разумные советы.

Ничего этого Ж. не нужно, он методично задает провокационные вопросы, интересуется покровителями, просит помочь приобрести все новые и новые объекты, снова и снова предлагает деньги – за что? Также видимо, чтобы уменьшить риск обмана.

После аукциона по продаже помещения по бульвару С-лей, 1, в котором принимал участие компаньон Ж – К-в, который и купил помещение, Ж. сам назначает встречу Г., готовит деньги, которые вообще мог не платить, понимая, что ему за это ничего не будет, буквально всучивает купюры Г. При этом, сам он, прекрасно понимает, что его деньги никуда не денутся: все купюры переписаны и отскерокопированы, сотрудники ФСБ окружают его машину буквально со всех сторон, в машине установлена видеокамера, съемка ведется с нескольких точек – жертве попросту некуда деваться. Для надежности, Ж., ведя деловой разговор с Г. не забывает подавать и сигналы группе захвата: трижды нажимает на педаль тормоза, когда Г. выходит из машины до окончания встречи, т.е. подает сигнал «не трогать!», и один раз, когда деньги уже у подсудимого, значит – «все, можно брать!».

И Г. «взяли», причем захват Г. провели по всем правилам оперативной науки: так, как будто поймали иностранного шпиона, или вооруженного до зубов бандита, а не как обыкновенного безработного, предлагавшего свои обыкновенные услуги обыкновенному коммерсанту. Деньги, всученные Ж., сразу же забрали, машину обыскали, все бумаги, и даже газеты отобрали, доставили в ФСБ и допросили. Без адвоката.

Всё. На этом факты заканчиваются, т.к. больше Г. ничего не делал, не мог сделать, да и не собирался делать.

Достаточно ли этих фактов для того, чтобы признать Гладкова виновным в покушении на мошенничество в крупном размере? Я считаю – нет!

Всё обвинение построено на недопустимых доказательствах, т.к. все аудио и видео записи, имеющиеся в уголовном деле, являются лишь набором произвольно выхваченных из общего контекста фрагментов разговоров, подобранных исключительно для того, чтобы создать видимость того, что подсудимый обманывал потерпевшего. При этом, объективные свойства всех аудио и видеозаписей имеют явные несоответствия событиям, якобы на них запечатленным, а так же имеют не менее явные признаки редактирования, монтажа и компилирования, которые признают даже сами сотрудники ФСБ.

Более того, допрошенные в судебном заседании сотрудники ФСБ Т., Ш. и Р. единодушно подтвердили, что все приобщенные к материалам уголовного дела носители информации являются вторичными, при этом, первичные носители (т.е. собственно вещдоки) являются секретными и недоступными, на диски, приобщенные к материалам дела, выборочно перенесена только часть записей, записи подвергались редактированию, компиляции и монтажу, и все это осуществлялось секретными сотрудниками, без участия понятых.

При таких вопиющих нарушениях УПК, я даже удивлен, что к материалам дела не приобщили какую-нибудь запись, из которой следовало бы, что Г. сотрудничал сразу со всеми разведками мира и готовил государственный переворот. Используя секретную технику ФСБ, это вполне можно было сделать. Однако поскромничали. Видимо, все же понимали, что Г., ну никак не тянет на «Джеймса Бонда».

В любом случае, все эти записи не соответствуют тем требованиям, предъявляемым к вещественным доказательствам, которые установлены нормами УПК, вследствие чего доказательствами не являются, и ничего не доказывают.

Так же, не может являться доказательством и заключение психолого-лингвистической экспертизы, т.к. мало того, что эксперты исследовали не реальные события, запечатленные на материальном носителе, а специально подготовленную для них эрзац-подборку разговоров неизвестного происхождения, причем далеко не полную.

Что ещё у нас осталось из «доказательств»?

А ещё в уголовном деле есть совершенно официальные и доступные всем желающим прогнозные планы приватизации, извещения о продаже

муниципального имущества, ежедневник, исписанный лист бумаги, старая газета, и ведомость поступления задатков, заботливо забытая в машине Г. самим «потерпевшим».

Вся эта макулатура, абсолютно ничего не доказывает, и ни на что не влияет.

Что ещё? Да собственно ничего. Показания сотрудников КУМИ ничего не могут прояснить в отношениях Г. и Ж.

Остаются только показания самого Ж., из которых следует буквально следующее: (протокол с/з от 11.01.2010 г.)

1. Ж. сам давал Г. списки объектов, которые он хотел приобрести, и сам просил Г. оказать ему помощь в этом.
2. Ж. сам назначал встречи Г. так, чтобы все они проходили под контролем сотрудников ФСБ.
3. Ж. неоднократно предлагал Г. деньги, хотя подсудимый об этом не просил и не требовал.
4. Ж. «не помнит», давал ли он свое согласие на проведение аудио и видеозаписи у него в машине. В любом случае, в материалах дела такого документа нет.
5. Ж. всегда требует расписку, или иной документ, когда платит деньги. Единственное исключение – Г., брать расписку с которого Ж. «не посчитал нужным».
6. Ж. желал получить от Г. незаконные услуги, т.е. осознавал явную противоправность своих действий, однако, все равно настаивал на них.
7. Ж. мог вообще не платить Г., и прекрасно понимал, что подсудимый в принципе не может ему предъявить никаких требований, даже моральных, ведь в аукционе победил не Ж., а К. Тем не менее, не дождавшись требования о передаче денег, Ж. сам проявил инициативу – сунул Г. пачку меченых денег, и для надежности просил их пересчитать.
8. Ж. не понес никакого ущерба, получил всё, что он хотел, в том числе и купил желаемый объект. Однако, требует максимально сурового наказания для Г. Спрашивается: за что? Наверное, за то, что Г. не оправдал надежд покровителей Ж., видимо рассчитывавших раскрыть целую банду взяточников и вымогателей?
9. Пообещав заплатить Г. за оказанные им консалтинговые услуги, Ж. заранее позаботился о том, чтобы его деньги вернулись к нему в любом случае, а по простому – «кинул» Г.
10. Уже абсолютно достоверно зная о том, что Г. вот-вот задержат (разговор в автомобиле Ж. на стоянке у ТРК «Гринвич» 4.09.2009 г.), Ж. не только поблагодарил Г. за оказанную помощь, но и предложил оказать ему помощь в приобретении еще одного объекта.

Все эти обстоятельства, позволяют сделать только один вывод: Г. искусно втянули в секретную операцию (как назвали её эксперты – «оригинальную»), разработанную сотрудниками ФСБ, а когда стало очевидным, что Г. вовсе не тот, кого рассчитывали поймать, оперативникам уже не оставалось ничего, кроме как сделать его крайним, «козлом отпущения». А самим сделать хорошую мину, при плохой игре, и отрапортовать во все инстанции о том, что ФСБ не зря свой хлеб ест, стоит на страже и т.д., и т.п.

Случаи провокаций и подстрекательства со стороны правоохранительных органов не так уж и редки, и на сегодняшний день существует множество

примеров как российской, так и международной судебной практики по этим вопросам.

При этом нельзя забывать, что в соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, и ч. 3 ст. 1 УПК РФ, Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью законодательства Российской Федерации, регулирующего уголовное судопроизводство.

О необходимости соблюдения и признания норм международного права говорит и Пленум Верховного суда РФ в своем Постановлении № 5 от 10.10.2003 г.

Обратимся к практике Европейского Суда:

В частности, в постановлении Европейского Суда по правам человека от 15.12.2005 г. № 53203/99 («Бюллетень Европейского суда по правам человека». 2006, № 7) по делу Ваньян (Vanuyan) против Российской Федерации, ЕСПЧ установил нарушение РФ требований п. 1 и подпункта «С» пункта 3 Статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, указав в п. 47, что «Если преступление было предположительно спровоцировано действиями тайных агентов и ничто не предполагает, что оно было бы совершено и без какого-либо вмешательства, то эти действия уже не являются деятельностью тайного агента и представляют собой подстрекательство к совершению преступления. Подобное вмешательство и использование его результатов в уголовном процессе могут привести к тому, что будет непоправимо подорван принцип справедливости судебного разбирательства».

В другом случае (Постановления ЕСПЧ по делам № 39647/98, 40461/98 Эдвардс и Льюис против Соединенного Королевства), Европейский Суд признал нарушение п. 1 Статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, указав, что: «Хотя в английском праве наличие полицейской «ловушки» - провокации преступления с целью его изобличения – не является обстоятельством, освобождающим от ответственности, на судье лежит обязанность при наличии «ловушки» либо прекратить дело со ссылкой на использование судебной процедуры в незаконных целях, либо исключить из рассмотрения судом любые доказательства по делу, добытые посредством провокации преступления».

Из положений Статьи 6 Конвенции вытекает - помимо необходимости соблюдать принцип состязательности судопроизводства и принцип равенства процессуальных возможностей сторон по делу - требование о том, чтобы государственное обвинение предъявляло бы все существенные доказательства вины подсудимого защите. Это право стороны защиты на ознакомление с доказательствами обвинения не является абсолютным, но при этом допустимыми мерами ограничения прав на защиту являются только такие меры, которые строго необходимы. Кроме того, любые трудности, чинимые защите, должны быть в достаточной мере сбалансированы процессуальным порядком, которому следуют в суде. Такой порядок должен в максимальной степени отвечать требованиям состязательного судопроизводства и принципу равенства процессуальных возможностей сторон по делу и включать в себя соблюдение адекватных процессуальных гарантий».

Я позволю себе напомнить суду, о том, что права подсудимого на защиту, состязательность сторон и справедливое судебное разбирательство, в этом процессе были грубейшим образом нарушены.

Как иначе можно расценить троекратный отказ суда в устранении недопустимых доказательств, восполнении явных пробелов следствия, и установлении истины по делу.

Даже неоднократные замечания на протокол судебного заседания, при наличии полных аудиозаписей судебных заседаний, не нашли понимания у суда.

Так же, позволю себе напомнить суду, что недопустимость провокаций и подстрекательства совершения преступлений, не является «причудой» одного только Европейского Суда.

Верховный суд РФ так же неоднократно указывал на недопустимость провокаций при проведении ОРМ, и недопустимость использования доказательств, полученных таким способом. В частности, в постановлении Президиума ВС РФ № 200-П08 от 9.07.2008 г. говорится: «...в основу приговора положены недопустимые доказательства, полученные в результате оперативно-розыскных мероприятий, в отношении него имела место провокация преступления, предварительное следствие проведено поверхностно, с нарушением норм УПК РФ в части, касающейся возбуждения уголовного дела и собирания доказательств, проведения судебных экспертиз и других следственных действий. Нарушен принцип объективности. Протокол судебного заседания не соответствует обстоятельствам, имевшим место в суде».

Конституционный суд РФ, тоже не обошел стороной проблему провокаций при проведении ОРМ, указав в своем Определении № 211-О от 1.12.1999 года, буквально следующее:

«В соответствии со статьей 50 (часть 2) Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона. Недопустимыми, в частности, должны признаваться доказательства, добытые с нарушением правила, установленного статьей 51 (часть 1) Конституции Российской Федерации, предусматривающей, что никто не обязан свидетельствовать против самого себя, а также пунктом 3 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, согласно которому каждый обвиняемый имеет право не быть принуждаемым к даче показаний против самого себя или к признанию себя виновным.

Такие доказательства признаются не имеющими юридической силы и не могут быть использованы для обоснования обвинения, при производстве дознания, предварительного расследования и разбирательстве уголовного дела в суде. Устранение их из уголовного дела обеспечивается соответствующими должностными лицами органов предварительного расследования и прокуратуры, а также судами, которые должны гарантировать участникам процесса право на судебную защиту их прав и свобод, в том числе нарушенных в связи с не отвечающими требованиям закона методами доказывания. Это вытекает из статей 18 и 46 Конституции Российской Федерации, согласно которым права и свободы человека и гражданина обеспечиваются правосудием, а также диктуется закрепленным в статье 21 Конституции Российской Федерации принципом охраны достоинства личности, предполагающим, в частности, обязанность государства обеспечивать каждому как равноправному субъекту возможность защищать свои права всеми не запрещенными законом способами и спорить с государством в лице любых его органов и должностных лиц, в том числе осуществляющих расследование по уголовным делам».

В заключение, я хочу еще раз напомнить, что в соответствии с ч. 3 ст. 14 УПК РФ, все сомнения в виновности обвиняемого, которые не могут быть устранены в порядке, установленном настоящим Кодексом, толкуются исключительно в пользу обвиняемого.

При этом, в соответствии с ч. 4 той же статьи, Обвинительный приговор не может быть основан на предположениях.

Я прошу суд вспомнить и то, что в соответствии с ч. 3 ст. 15 УПК РФ, Суд не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения, и не обязан «вытягивать» обвинение.

Я прошу суд задуматься о том, что подсудимый и потерпевший в этом деле вполне могли поменяться ролями. Для этого Г. достаточно было, после первой же встречи с Ж., отправиться в ту же ФСБ, или в ГУВД, и написать заявление о том, что Ж. планирует совершение тяжкого преступления, и ищет посредника для дачи взятки должностному лицу. И тогда, 4 сентября 2009 г., на автостоянке перед «...», могли встретиться сразу две группы захвата, могла пролиться кровь...

Я прошу ненадолго представить, что настоящее дело рассматривается с участием присяжных заседателей, т.е. простых граждан, не связанных какими либо обязательствами и предрассудками, и не склонных верить в святость и непогрешимость версии обвинения основанной на показаниях свидетелей из секретного отдела секретной службы - ФСБ.

Неужели у вас есть сомнения в том, какой вердикт был бы вынесен присяжными?

Неужели у вас есть сомнения, кто в этом деле являлся провокатором?

Неужели у вас нет сомнений в достоверности вещественных доказательств и их соответствии требованиям Закона?

Неужели у вас нет сомнений в правдивости показаний «потерпевшего», который бодро подписывал протоколы угодные следствию, но напрочь «забыл» обстоятельства происшедшего, и в суде, по большей части – «мычал»?

Я считаю, что Г. никого не обманывал, и ничьим доверием не злоупотреблял. Его действия состава мошенничества не образуют. Напротив, именно «потерпевший», и стоявшие за ним сотрудники ФСБ планомерно и последовательно провоцировали Г., заранее зная, что именно Г. станет жертвой столь «оригинальной операции».

Я прошу суд не равнодушно утвердить обвинительное заключение, в угоду всевидящей спецслужбы, или из-за страха перед ней, а проявить гражданское мужество, и вынести справедливый приговор:

Г. – ОПРАВДАТЬ.